

Аркадий Аверченко

Черным по белому

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А19

А19 **Аверченко А.Т.**
Черным по белому / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2019. – 78 с.

ISBN 978-5-458-12792-9

ISBN 978-5-458-12792-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Да такъ. Давай. Ты теперь хозяинъ. Чего тамъ! Надо быть самостоятельнымъ.
 — Пятьдесятъ рублей, — задумчиво переспросилъ Капитоша.— Ну, на!
 — Вотъ такъ. А теперь налей мнѣ шампанскаго. Одна изъ дѣвиць обняла просіявшаго Капитошу за шею и сказала:
 — Ты дай намъ на счастье, а мы тебя прославимъ.
 — Какъ... прославите?
 — Будемъ пѣть про тебя. Завсегда такъ. Гостей въ кабинетахъ славимъ.
 — Здорово!—сказалъ Капитоша и ревниво добавилъ:
 — Только меня что-бъ одного.
 — Да, конечно. Ты-жъ хозяинъ. Какъ тебя звать?
 — Капитонъ Ильичъ, главный управляющій пароходною частью..
 — Ладно! Дѣвицы: Капитоша! И хоръ дѣвиць нестройно запѣлъ:
 Капитоша, Капитоша, Капитоша,
 Капитоша, Капитоша, Капито-о-ша-а..
 Капитоша-гоша-гоша,
 Ша-ша-ша-ша-ша!
 Капитоша сидѣлъ на стулѣ, истомленный славой, почетомъ и всеобщимъ уваженіемъ.
 — Еще разъ!—попросилъ онъ, закрывъ глаза.
 — Капитоша, Капитоша, Капито-оша-а!.. Онъ подперъ щеку рукой и заплакалъ. Это были слезы гордости, радости и сознания потерянныхъ прежнихъ лѣтъ, такъ глупо прожитыхъ.
 — Вотъ оно, настоящее то,—вѣроятно, думалъ бѣдный Капитоша, и сердце его радостно билось.
 — Господа—крикнулъ актеръ.—За-мѣ-ча-тель-но-му и раз-про-един -ствен-ному Капи-тону Ильичу—мно-га-я лѣ-ѣ-та!!
 Дѣвицы пѣли... Оборотистый продавецъ коралловъ плясалъ, безъ пиджака, погромыхивая своимъ ящикомъ.
 Сумерки заглядывали въ окно..
 — Дай мнѣ полтора ста рублей,—попросилъ актеръ,— для устройства театральнаго зданія въ Петербургъ.— Дашь?
 — Дамъ,—сказалъ Капитоша, всталъ; выпрямился и въ невыразимомъ экстазѣ крикнулъ:— Господа! Похожъ, я на офицера?
 Всѣ нашли, что— похожъ.

Дверь скрипнула и лысый купецъ, шаркая мягкими сапогами, вошелъ въ буфетную.
 — А-а... Честная компанія... Это что-же такое?! Онъ стоялъ съ полминуты, оглядывая всѣхъ. Потомъ его взглядъ остановился на Капитошѣ, украшенномъ оранжевымъ галстукомъ, бархатнымъ пиджакомъ, купленнымъ у того же торговца кораллами и массой разноцвѣтныхъ колецъ на пальцахъ.
 — А-а...—протянулъ лысый купецъ.
 Онъ неторопливо завернулъ правый рукавъ, подошелъ къ Капитошѣ, размахнулся и сталъ бѣшено колотить по Капитошиной головѣ, которая, какъ арбузъ на стеблѣ, беспомощно металась изъ стороны въ сторону.
 И опять всякая пощечина звучала символически:
 — Это тебѣ кораллы! Это дѣвки! Это за отца! Это за мать!
 Всѣ потихоньку вышли изъ буфетной. Утомившись лысый купецъ, присѣлъ за столикъ и приказалъ:
 — Пива, подлюга! Если будетъ теплое — голову оторву.
 Капитоша втянулъ грудь, прыгнулъ за стойку и, стуча коралловыми кольцами о бутылки, сталъ откупоривать пиво.

КЛУСАЧЕВЪ И ТУРКИНЪ.

(Верхъ автомобиля).

Вглядитесь повнимательнѣе въ мой портретъ... Въ уголкахъ губъ и въ уголкахъ глазъ вы замѣтите выраженіе мягкости и доброты, которая, очевидно, свила себѣ чрезвычайно прочное гнѣздо. Доброты здѣсь столько, что ея съ избыткомъ хватило бы на десятокъ другихъ угловъ губъ и глазъ.

Очевидно, это качество, эти черточки доброты, не случайныя, а прирожденныя, потому что отъ воды и мыла онѣ не сходятъ, и сколько ни теръ я эти мѣста полотенцемъ—доброта сіяла изъ уголковъ губъ и уголковъ глазъ еще ярче. Такъ,—вода можетъ замѣсить придорожную пыль въ грязь, но та же вода заставляетъ блестять и сверкать свѣжіе изумрудные листочки на придорожныхъ кустахъ.

Мнѣ хочется, чтобы всѣмъ вокругъ было хорошо, и, если бы наше бездарное правительство опомнилось, и пригласило меня на должность бесплатнаго совѣтчика— можетъ быть, изъ нашихъ общихъ стараній что-нибудь бы и вышло.

Въ частной жизни я стремлюсь къ тому же: чтобы всѣмъ было хорошо. Откуда у меня эта Маниловская черта—я и самъ хорошенько не разберусь.

Однажды, весной, мой пріятель Туркинъ сказалъ мнѣ вскользь, во время нашего катанья на Туркинскомъ автомобилѣ:

— Вотъ скоро лѣто. Нужно подумать о томъ, чтобы снять этотъ тяжелый автомобильный верхъ и сдѣлать лѣтній откидной, парусиновый.

— Парусиновый?—переспросилъ я, думая о чемъ-то другомъ.

— Парусиновый.

— Автомобильный, парусиновый?

— Ну, конечно.

— Вотъ прекрасный случай!—обрадовался я.—Какъ разъ вчера я встрѣтился съ пріятелемъ, котораго не видѣлъ года два. Теперь онъ управляющій автомобильнымъ заводомъ, здѣсь же въ Петербургѣ. Закажите ему!

Мысль у меня была простая и самая христіанская:

Туркинъ хорошій человѣкъ, и Клусачевъ хорошій человѣкъ. У Туркина есть нужда въ верхѣ, у Клусачева— возможность это сдѣлать. Пусть Клусачевъ сдѣлаетъ это Туркину, они познакомятся, и, вообще, все будетъ пріятно. И всякій изъ нихъ втайнѣ будетъ думать:

— Вишь ты, какой хорошій человѣкъ этотъ Аверченко. Какъ хорошо все устроилъ: одинъ изъ насъ имѣетъ верхъ, другой заработалъ на этомъ, и, кромѣ того, каждый изъ насъ пріобрѣлъ по очень симпатичному знакомому.

Всѣ эти соблаженія чрезвычайно меня утѣшили.

— Право, закажите Клусачеву,—посоветовалъ я. Туркинъ задумчиво вытянулъ губы трубочкой, будто для поцѣлуя.

— Клусачеву? Право не знаю. Можетъ быть, онъ сдеретъ за это?.. Впрочемъ, если это ваша рекомендація— хорошо! Такъ я и сдѣлаю, какъ вы настаиваете.

Дѣло сразу потеряло вкусъ и приняло странный оборотъ: вовсе я ни на чемъ не настаивалъ; лично мнѣ это не приносило никакой пользы и являлось затѣей чисто филантропической. А выходило такъ, будто Туркинъ сдѣлалъ мнѣ какое-то одолженіе, а я за это, съ своей стороны, долженъ взвалить на свои плечи отвѣтственность за Клусачева.

Я промолчалъ, а про себя подумалъ:

— Богъ съ ними. Зачѣмъ мнѣ возиться... Туркинъ пусть забудетъ объ этомъ разговорѣ и закажетъ этотъ верхъ кому-нибудь другому.

Но Туркинъ относился ко мнѣ поразительно хорошо:

черезъ недѣлю, встрѣтившись со мной, онъ озабоченно взялъ меня за плечо и сказалъ:

— Ну, что же вы? Я никому не заказывалъ автомобильнаго верха и жду вашего пріятеля Трепачева. Гдѣ же вашъ Трепачевъ?

— Клусачевъ, а не Трепачевъ.

— Пусть Клусачевъ, но мѣрку-то онъ долженъ снять? Я изъ-за него никому не заказалъ, а уже на дняхъ лѣто.

— Хорошо,—сказалъ я.—Я увижусь съ нимъ и скажу.

— Да, но вы должны увидѣться, какъ можно раньше! Не могу же я, согласитесь, париться подъ этой тяжелой душной крышкой.

Въ тотъ день я былъ чѣмъ-то занятъ, а на другой день мнѣ позвонили по телефону:

— Алло! Это я, Аверченко.

— Слушайте, голубчикъ... Ну, что были вы уже у вашего Муртачева?

— Клусачева, вы хотите сказать.

— Ну, да. Не могу же я ждать, согласитесь сами.

Вы уже были у него?

— Только вотъ собираюсь. Вѣдь этотъ заводъ на краю города, Ужъ у меня и извозчикъ заказанъ. Сейчасъ ѣду.

Дѣйствительно, нужно было ѣхать. Клусачевъ былъ хорошій человѣкъ и встрѣтилъ меня тепло.

— А, здравствуйте! Вотъ пріятный гость.

— Ну, скажите мнѣ спасибо: я вамъ заказикъ принесъ.

— А что такое?

— Верхъ для автомобиля одному моему пріятелю.

— У него ландолѣ?

— Н...не знаю. Может оно, дѣйствительно, такъ и называется. Беретесь?
— Взяться-то можно, только вѣдь эта штука не дешевая. Обыкновенно, думаютъ, что она дешевая, а она не дешевая.

— Ну, вы бы по знакомству скидку сдѣлали.

— Скидку? Ну, для васъ можно сдѣлать по своей цѣнѣ. Ладно! Обыкновенно, эти заказы не особенно интересны, но разъ вы просите—какіе же могутъ быть разговоры...

Всѣ краски въ моихъ глазахъ сразу потускнѣли и сдѣлались сѣрыми... Эти люди не видѣли въ моихъ хлопотахъ простого желанія сдѣлать имъ пріятное, а упорно придавали всему дѣлу видъ личнаго мнѣ одолженія.

Бдучи обратно, я думалъ: что стоило бы мнѣ просто промолчать, въ то время, когда Туркинъ началъ разговоръ объ этомъ верхѣ... Онъ бы заказалъ его въ другомъ мѣстѣ, а Клусачевъ, конечно, прожилъ бы самъ по себѣ и безъ этого заказа.

Нѣкоторые писатели глубокомысленно сравниваютъ жизнь съ быстро мелькающимъ кинематографомъ. Но кинематографъ, если картина не нравится, можно пустить въ обратную сторону, а проклятая жизнь, какъ бѣшеный быкъ, претъ и ломитъ впередъ, не возвращаясь обратно. Хорошо бы (думалъ я) повернуть нѣсколько дней моей жизни обратно до того мѣста, когда Туркинъ сказалъ:

„Нужно сдѣлать откидной верхъ"... Взять бы послѣ этого и промолчать о Клусачевѣ.

Не течетъ рѣка обратно...

— Алло Вы?

— Да, это я.

— Слушайте, голубчикъ! Уже прошло три дня, а отъ вашего Кумачева ни слуху, ни духу.

— Клусачева, а не Кумачева.

— Ну, да! Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что уже пошли жаркіе дни, и мы съ женой буквально варимся въ автомобилѣ.

— Да я былъ у него. Онъ обѣщалъ позвонить по телефону.

— Обѣщаль, обѣщаль! Обѣщаннаго три года ждутъ. Я насильственно засмѣялся и сказалъ успокоительно:

— За то онъ ради меня дешево взялъ. По своей цѣнѣ. Всего 200 руб.

— Да? Гм!.. Странная у нихъ своя цѣна... А мнѣ въ Невскомъ гаражѣ брались сдѣлать за 180, и съ подъемнымъ стекломъ... Ну, да ладно... Разъ вы уже заварили эту кашу—приходится ее расхлебывать.

Сердце мое похолодѣло: подъемное стекло! А вдругъ этотъ Клусачевъ дѣлалъ свои расчеты безъ подъемнаго стекла?

— Хорошо,—ласково сказалъ я.— Я съ нимъ... гм... поговорю... ускорю... Всего хорошаго.

— Алло! Это вы, Клусачевъ?

— Я!

— Слушайте! Что же съ Туркинымъ?

— А что такое?

— Вы, оказывается, до сихъ поръ не сняли мѣрки?

— Да все некогда. У насъ теперь масса работы по ремонту. Собственно говоря, мы бы за этотъ верхъ и совсѣмъ не взялись, но разъ вы просили, я сдѣлалъ это для васъ. Завтра сниму мѣрку...

— Алло! Вы?

— Да, я. Аверченко.

— Слушайте, что же это вашъ Крысачевъ — снялъ мѣрку, да и провалился. Уже недѣля прошла. Я не понимаю такого поведенія: не можешь, такъ и не берись... Навѣрное, онъ какой-нибудь аферистъ...

— Да нѣтъ же, нѣтъ,—сказалъ я умиротворяюще.— Это прекрасный человѣкъ! Рѣдкій отецъ семейства. Это и хорошо, что онъ такъ долго не появляется. Значитъ, уже дѣлаетъ.

— О. Господи! Онъ, вѣроятно, къ осени сдѣлаетъ этотъ злосчастный верхъ? Имѣйте въ виду, если черезъ три дня верха не будетъ—не приму его потомъ. И то, эту отсрочку дѣлаю только для васъ.

— Алло! Вы, Клусачевъ?

— Я.

— Слушайте, милый! Вѣдь меня Туркинъ ѣстъ за этотъ верхъ. Когда же...

— А, пусть вашъ Туркинъ провалится! Онъ думаетъ, что только одинъ его верхъ и существуетъ на свѣтѣ. Вотъ навязали вы мнѣ на шею горе-злосчастное. Прибыли никакой, а минутки свободной дохнуть не дадутъ.

— А онъ говорилъ,— несмѣло возразилъ я,— что у него брались сдѣлать этотъ верхъ за 180 рублей...

— Такъ и отдавалъ бы! Странные люди, ей Богу. Въ другомъ мѣстѣ имъ золотыя горы сулятъ, а они сюда лѣзутъ!

На моемъ письменномъ столѣ прозвенѣлъ телефонный звонокъ.

Я снялъ трубку, приложилъ ее къ уху и предусмотрительно пропищалъ тоненькимъ женскимъ

голосомъ:

— Алло? Кто говорить?

Сердце мое чуяло: говорилъ Туркинъ.

— Баринъ дома?

— Нѣтути,—пропищаль я.—Уѣхамши. Куда-а-а?

— Въ Финляндію.

— А чтобъ его черти забрали, твоего глупаго барина. Надолго?

— На пять дѣнь.

— Послушай, передай ему, что такъ порядочные люди не поступаютъ! Чуть не тридцать градусовъ жары, а я по его милости долженъ жариться въ проклятой душной коробкѣ.

— Слушаю-сь,—пропищаль я.—Хорошо-сь.

Я даль отбой и, переждавъ минуту, позвонилъ Клусачеву.

— Алло!—сказаль я.—Квартира Клусачева?

— Да,—сказаль женскій голосъ.—Вамъ кого?

— Клусачевъ дома?

— Дома. А кто говорить?

— Аверченко.

— Аверченко говоритъ, — сказаль женскій голосъ кому-то въ сторону.

— А ну его къ чорту! — послышался отдаленный мужской голосъ.—Скажи, что только что я ушелъ.

— Вы слушаете? Только что вышелъ баринъ. Сію минутку. Я-то думала, что онъ дома, а онъ,

гляди, вышелъ.

— Когда же онъ вернется?—терпѣливо спросилъ я.

— Когда вернетесь?—справился женскій голосъ.

— Скажи ему, что я... ну, уѣхаль въ Финляндію; вернусь черезъ три дня, что-ли.

— Уѣхали въ Финляндію,—повторилъ рабски женскій голосъ...—черезъ три дня.

Я швырнулъ трубку, бросился на диванъ, и закрыль лицо руками: мнѣ представлялся Туркинъ, носящійся въ своемъ глухомъ закрытомъ автомобилѣ по жаркимъ душнымъ городскимъ улицамъ, и рѣдкіе прохожіе, заглянувъ въ автомобильное окно, въ ужасѣ шарахаются при видѣ чьего-то красного, мокраго, обвареннаго жгучей духотой лица, черты котораго искажены бѣшен ствомъ и злобой.

Съ этого часа я безмѣрно полюбилъ столь рѣдкую лѣтомъ холодную сырую погоду. Дождь, вѣтеръ облегчали и освѣжали меня. Наоборотъ, жара дѣйствовала на меня ужасно: красное исковерканное бѣшенствомъ призрачное лицо, выглядывающее изъ чернаго мрачнаго гробообразнаго автомобиля, чудилось мнѣ.

Въ этотъ жаркій день я былъ именинникомъ, хотя въ календарѣ Аркадій и не значился: гуляя по улицѣ, я увидѣль открытый автомобиль съ прекраснымъ парусиновымъ верхомъ. Въ немъ си дѣль Туркинъ.

— А, — привѣтливо сказаль я. — Поздравляю! Довольны?

— Ну, знаете, не могу сказать. Тянуль, тянуль этотъ Чертачевъ вашъ.

— Клусачевъ,—печально улыбнулся я. — Клусачевъ онъ или кто, но содрать за парусино вѣй верхъ безъ подъемнаго стекла 200 рублей—это грабежъ! Удружили вы мнѣ, нечего сказать.

Я вздохнулъ, похлопаль рукой по кузову автомобиля и безцѣльно спросилъ:

— Ландолэ?

— Ландолэ. Порекомендовали вы мнѣ, нечего сказать.

— Алло! Клусачевъ?

— Да, я. Кто говорить?

— Аверченко. Хорошо съѣздили?

— Куда?

— Въ Финляндію.

— Въ какую тамъ Финляндію?! Ахъ, да... Какъ вамъ сказать... Ужъ больно я истрепался за послѣднее время. Одинъ вашъ этотъ Туркинъ всѣ жилы вымоталь. Работа хлопотливая, прибыли ни копѣйки, да еще изъ-за этого выгодный заказъ одинъ утерали. Порекомендовали, нечего сказать!..

РОСКОШНАЯ ЖИЗНЬ.

Конкретное представленье писца Бердяги о широкой привольной, красивой жизни заключалось въ слѣдующемъ: однажды года три тому назадъ, когда еще была жива Бердягина мать—онъ, по ея настоянію, пошелъ къ. крестному Остроголовченко похристосоваться и, вообще, выразить свою любовь и почтенье.

— Может быть,—подмигнула веселая старуха,— этот негодяй и кровопийца оставить тебя что-нибудь послѣ смерти. Все-жѣ таки крестный отецъ.

Бердяга пошелъ—и тутъ онъ впервые увидѣлъ ту роскошь, ту сверкающе-красивую жизнь, выше которой ничего быть не могло.

Ярко-желтые, крашенные масляной краской полы сверкали, какъ рѣка подь солнцемъ; повсюду были разостланы бѣлые дѣвственные половики; мебель плюшевая; а въ углу прекрасной, оклеенной сѣро-голубыми обоями, гостиной былъ накрытъ бѣлоснѣжный столъ. Солнышко разсыпало самоцвѣтные камни на десяткахъ пузатыхъ бутылокъ съ коричневой мадерой, красной рябиновкой и таинственными зелеными ликерами; жареный нѣжный барашекъ съ подрумяненной кожицей дремалъ на гро мадномъ, украшенномъ зеленою блюди въ одномъ углу стола, а толстый сочный окорокъ развалился на другомъ углу; все это перемѣшивалось съ пышнымъ букетомъ разноцвѣтныхъ яицъ, икрой, какими-то сырными издѣліями, мазурками и бабами; а когда крестный Островченко расцѣловался съ Бердягой, на Бердягу пахло превкуснѣйшей смѣсью запаха сигаръ и хорошаго одеколона.

И разговоръ, который велъ крестный съ Бердягой, тоже былъ пріятенъ, нравился Бердягѣ и льстилъ ему. Крестный не видѣлъ Бердягу лѣтъ семь, помнилъ его мальчикомъ, а теперь, увидѣвъ высочайшаго молодца съ костлявымъ носатымъ лицомъ и впалой грудью—очень удивился.

— Какъ?! Ты уже выросъ?! Однако. Вотъ не думай! Да вѣдь ты мужчина!

По тону стараго Остроголовченко можно было предположить, что онъ гораздо менѣе удивился бы, если бы Бердяга явился къ нему тѣмъ же тринадцатилѣтнимъ мальчишкой, которымъ онъ былъ семь лѣтъ тому назадъ. Смущенный и польщенный такимъ вниманіемъ къ своей скромной особѣ,—Бердяга хихикнулъ, переступилъ съ ноги на ногу, и тутъ-же рѣшилъ, что его крестный—прекрасный добрый человѣкъ.

— Да, да. Форменный мужчина. Служишь?

— Служу, — отвѣтилъ Бердяга, замирая отъ тайнаго удовольствія разговаривать съ такимъ важнымъ человѣкомъ въ прекрасномъ черномъ сюртукѣ и съ золотой медалью на красной лентѣ, данной Остроголовченкѣ за каюя-то заслуги.

— Служу въ технической конторѣ Братьевъ Шумахеръ и Зайдъ, земледѣльческія орудія и машины, представители Альфреда Барраса, Анонимной компаниі Уніонъ и Джеффри Уатсона въ Шеффилдѣ.

— Вотъ какъ,—покачалъ головой крестный довольно любезно.—Это хорошо. Много получаешь?

— Двадцать семь рублей, да наградныя.

— Вотъ какъ! Прямо-таки мужчина. Ты помнишь, Егоръ Ильичъ, покойнаго Астафія Иваныча Бердягу. Это его сыночекъ, Володя.

Гость Егоръ Ильичъ отнесся къ Бердягѣ не менѣе любезно—какъ настоящій свѣтскій человѣкъ.

— Да?—сказалъ онъ задумчиво.—Такъ, такъ. Служите?

— Служу,—радостно отвѣчалъ Бердяга, еле скрывая свою гордость, такъ какъ чувствовалъ себя центромъ вниманія многочисленныхъ визитеровъ Остроголовченки.

— А, гдѣ?

— Въ технической конторѣ братьевъ Шумахеръ и Зайдъ, земледѣльческія орудія и машины, представители Альфреда Барраса, Анонимной компаниі Уніонъ и Джеффри Уатсона, въ Шеффилдѣ.

— А какъ здоровье мамы?—спросила жена Остроголовченки, величественная старуха.

— Ничего, благодарю васъ, слава Богу. Она извиняется, что не могла придти—лежитъ, больная.

— Такъ, такъ,—съ элегантною разсѣянностью кивнулъ головой Остроголовченко.—Дай Богъ, дай Богъ. Ну, господа—попрошу къ столу. Закусите, чѣмъ Богъ послалъ.

Гости шумной, запинаящейся толпой двинулись къ столу.

— Пожалуйста, водочки, винца. Егоръ Ильичъ, Марья Платоновна! Сергѣй Васильичъ, Василій Сергѣевичъ! А ты Володя—пьешь?

Снова покраснѣвъ отъ этого знака вниманія, Володя Бердяга пролепеталъ, пряча въ карманы громадныя красныя руки:

— Кх! Иногда. Немножко. Я уже, въ сущности, пиль.

— Ничего, выпей. Ну, прямо-таки—прямо мужчина. Служишь?

— Да... Въ технической конторѣ Братьевъ Шумахеръ и Зайдъ, земледѣльческія орудія и машины, представители Альфреда Бар...

— Берите ветчины,—любезно сказалъ хозяинъ длинному морщинистому старику.—Кажется запечена неплохо.

— Нѣтъ, вы мнѣ бы лучше не наливали,—нерѣши тельно, конфузясь, говорилъ Володя.—Зачѣмъ вы без покоитесь?

— Ничего. Ну, какъ мама. Здорова?

— Благодарю васъ. Она очень извиняется, что не могла...

— Да вы прямо ложкой берите икру! Ну много-ли ея ножемъ захватишь?

— Позвольте, я передамъ,—сказалъ Володя Егору Ильичу.
 -- Спасибо. Такъ вы Астафія Ивановича покойнаго сынокъ? Пріятно, пріятно. Служите?
 — Да... въ технической конторѣ Братъевъ Шумахеръ и Зайдъ, земледѣль...
 — А почему мама не пришла?—спросила хозяйка, поправляя на столѣ горшокъ съ гіацинтомъ.
 — Она извинялась очень, что не можетъ. Она...
 — Совсѣмъ мужчина!—замѣтилъ вскользь Остроголовченко.—Что десять-то лѣтъ дѣлають! Ну, что-жъ, пора опредѣляться куда-нибудь и на службу!

Полы сверкали, половики сверкали, пахло гіацинтами и жаренымъ барашкомъ, гости были привѣтливы, отъ хозяина пахло одеколономъ, въ верхнемъ этажѣ чьи-то несмѣлыя дѣвичьи руки играли сладкій вальсъ, и Бердягъ казалось, что онъ плаваетъ въ эфирѣ, покачиваясь на нѣжныхъ волнахъ самыхъ прекрасныхъ переживаній.

II.

Когда мать умерла, Бердяга продалъ ея кровать, салопъ, купилъ на вырученныя деньги семиструнную гитару, подстаканникъ и переѣхалъ на житье къ старухѣ Луковенковой, имѣвшей квартиру на одной изъ самыхъ тихихъ отдаленныхъ улицъ городка.

Жиль писецъ Бердяга такъ: вернувшись со службы, обѣдалъ, часа два послѣ обѣда лежалъ на кровати, а потомъ, напившись чаю изъ стакана съ металлическимъ подстаканникомъ, до самаго вечера сидѣлъ на деревян номъ крылечкѣ съ гитарой въ рукахъ.

Проходила барышня въ шляпкѣ, или баба съ ведромъ воды—Бердяга провожалъ ихъ взоромъ и игралъ тихонько на гитарѣ, напѣвая пѣсенку о монахѣ, жившемъ У дуба.

Это была его любимая пѣсенка; въ особенности нравилась ему странная, немного нескладная строка:

И громъ дубъ тотъ разразилъ...

— И-и громдуботразразилъ!—меланхолически напѣвалъ Бердяга, вперивъ взоръ, если никого не было на улицѣ—въ небо.

Налюбовавшись на прохожихъ, на небо и наигравшись вдоволь на гитарѣ, Бердяга вставалъ, расправлялъ онѣмѣвшіе члены и шелъ ужинать.

Засыпая, любилъ вспомнить о чемъ-нибудь пріятномъ;

конечно, большею частью, воспоминанія его, какъ привязанныя веревкой за ногу, вертѣлись около гостинной со сверкающими желтыми полами, узорными гардинами, столомъ, заставленнымъ разными прекрасными вещами, около блестящаго хозяина Остроголовченко, свѣтской его жены и толпы добрыхъ изящныхъ гостей.

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ Бердяга тѣ небрежные вопросы, которые задавались ему хозяевами и гостями и сейчасъ же забывались. Въ этой небрежности онъ видѣлъ подлинный шикъ и умѣнье вести бесѣду.

Бердягу трогало то, что вотъ, молъ, людямъ, можетъ быть, и совершенно неинтересно, служу я, или нѣтъ; но разъ они спрашиваютъ—значить, тутъ есть какое-то особое воспитаніе, умѣнье быть въ обществѣ пріятнымъ и доставить ближнему удовольствіе.

— Пригласить бы ихъ всѣхъ къ себѣ,—подумалъ однажды Бердяга.—Жаль, что у меня комнатка маленькая. Ну, да ничего. Десять человѣкъ-то умѣстятся. Устроить такой же столъ, только поменьше, поставить ветчину, бутылку вина и крашенныя яйца. Придутъ, опять начнутъ разговоры. Я надѣну сюртукъ, надуюсь одеколономъ и какъ будто вскользь пригласу всѣхъ къ закусочкѣ. «Закусить, чѣмъ Богъ послалъ». Когда я скажу, что получилъ семь рублей прибавки у Шумахеровъ и Зайдъ—всѣ, навѣрно, будутъ удивлены. Послѣ первой рюмки скажу: «по одной не закусываютьъ» и спрошу у крестнаго, какъ поживаетъ его супруга. Жаль, что краска на полахъ повыщербилась и покоробилась. Хо рошо-бы, если-бы полы блестяли. Потомъ гитару покажу. Будутъ просить играть... Сыграю что-нибудь.

И Бердягу вдругъ неожиданно и со страшной силой потянуло къ красивой праздничной жизни—хоть на одинъ день, именно тотъ день, когда люди дѣлаются лучше, добрѣе, воздухъ нѣжнѣе и солнце ярче.

Бердяга, погруженный въ свои мысли, всталъ съ кровати, зажегъ свѣчку и сталъ записывать:

Бутылка вина	70 к.
“ водки	40 »
Пива 3 бутылки	42 »
Ветчина	1р. — »
Сардины	35 »
Колбаса, хлѣбъ и проч.	1 » — »
Куличъ и 2 гіацинта въ горшкахъ	2 » — »

Вышлоило шесть рублей.

Старые ботинки можно смазать чернилами, но галстук придется купить новый. Темнозеленый.

Въ ту же ночь—это была ночь под Стратную субботу — Бердяга написалъ десять писемъ — полупоздравительныхъ, полупригласительныхъ.

Выражая удовольствіе по поводу наступленія такого праздника, Бердяга имѣлъ почтительнѣйшую честь принести поздравленія и былъ бы радъ, если-бы адресатъ, вспомнилъ его, скромнаго человѣка, и ' осчастливилъ посѣщеніемъ, не брезгуя "закусить чѣмъ Богъ послалъ."

III

Пасхальное солнце добросердечно грѣло пасхальную землю и даже заглянуло въ окошечко Бердягиной комнаты. Но, памятуя о разности человѣческихъ положеній и о пропасти, отдѣлявшей Бердягу отъ Остроголовченко, оно не заиграло на бутылкахъ съ виномъ и пивомъ, не блеснуло рубинами и изумрудами на красныхъ и зеленыхъ яйцахъ, а ограничилось тѣмъ, что небрежно мазнуло золотой кистью по гитарѣ на стѣнѣ, поморщилось, наткнувшись на облупленный, покоробивійся полъ, и уползло— съ визитомъ къ купцу миллионеру Смушкину, квартиранту первого этажа.

Бердяга — этотъ горемычный выскочка — сіялъ въ ожиданіи гостей. Показная роскошь губила людей и побогаче его, а всѣ эти зеленые галстуки, да одеколонъ, да пара гіацинтов по бокамъ кулича—все это за версту попахивало громадной трещиной въ Бердягиномъ бюджетѣ

Съ улыбкой на лицѣ и полузакрытыми глазами, Бердяга въ сотый разъ оглядывалъ закуски, крашенныя яйца, свѣже вымытый полъ, крахмальную занавѣску на окнѣ, и думалъ:

— Какая громадная суматоха подымется около стола... „Рюмочку водки!“— „Ахъ, что вы: не пью!“— Ну, одну— ради праздника!“— „Развѣ что, ради праздника. За ваше здоровье... — "Служить изволите?," — „Да, въ конторѣ. Техническая контора Шумахеръ и Зайдъ, земледѣльческія ору... Отчего же вы ветчины не берете? Пожалуйста, господа, не стѣсняйтесь".

Подходя къ зеркалу, Бердяга дѣлалъ лицо стараго хлѣбосола, умѣющаго принять и угостить, душа-на-рас-пашку, потомъ подходилъ къ окну, къ дверямъ и прислушивался.

Прошелъ назначенный въ письмѣ часъ... Прошелъ другой и третій.

Ни одна душа не явилась къ Бердягѣ.

Но разоренный, голодный Бердяга еще крѣпился... Онъ ожидалъ гостей и, поэтому, боялся нарушить гармонию разложенной звѣздочками колбасы, плотно-слежавшихся сардинокъ и ветчины, замѣчательно искусно украшенной пучечками салата...

И-игромдубототраз-разиль...

Бердяга легъ на кровать и долго, съ оскорбленнымъ лицомъ, наблюдалъ за тѣмъ, какъ постепенно умирало навозившееся за долгъ день солнце...

Въ двери постучались.

— Кто тамъ? Прошу!— вскричалъ Бердяга, вскакивая.

— Это я, Владиміръ Астафьичъ. Имѣю честь поздравить съ наступившимъ и, какъ говорится, на долготѣіе и успѣхи въ занятіяхъ житейской сущности человѣческаго произрастанія.

Передъ Бердягой стоялъ высокій, краснощекий дѣтина, въ сѣромъ пальто и въ фуражкѣ съ золотымъ галуномъ—швейцаръ технической конторы Шумахеръ и Зайдъ земледѣльческія орудія.

Бердяга разочарованно осмотрѣлъ его и на мгновение опустилъ голову.

Было у него два исхода—аристократически и демократическій.

Аристократическій заключался въ томъ, чтобы сказать небрежно: „ага! Спасибо, братецъ, спасибо", дать сиротливо лежавшій въ жилетномъ карманѣ двугривенный, потрепать поздравителя снисходительно по плечу и отпустить съ миромъ. Можно было сюда же внести еще кое-что отъ хлѣбосольнаго барина, души-на-рас пашку: дать поздравителю стаканъ водки и кусокъ кулича съ ветчиной.

Другой исходъ былъ демократически махнуть рукой на всѣ эти условности, на всѣ эти „пропасти отдѣляющія"... на всѣ эти фигли-мигли,—а просто обнять краснощекаго дѣтину въ швейцарской фуражкѣ, похристоваться съ нимъ, и, усадивъ за столъ, натѣшить желудокъ явствами, а душу—интересной бесѣдой о разныхъ вещахъ, приковывающихъ вниманіе такихъ вдумчивыхъ людей, какъ эти два одинокихъ холостяка.

Выборъ Бердяги палъ на аристократическіе поступки.

— Ага,—сказалъ онъ, вынимая двугривенный и всовывая его въ руку швейцара.—Спасибо, спасибо. Вотъ вамъ, братецъ. Хе-хе! Дѣло праздничное.

За аристократомъ потянулся и старый хлѣбосоль.

— Стаканчикъ водки не выпьете-ли? Кулича нашего попробуйте. Ветчинки...

Но, вѣроятно, всякій баринъ-хлѣбосоль—въ душѣ отчаянный демократъ, потому что Бердяга, наливъ гостю рюмку водки, неожиданно сказалъ:

— Стойте! И я съ вами тоже выпью.

Но педантичный аристократъ не хотѣлъ сдаваться такъ легко: налить-то себѣ онъ налилъ, но чокаться съ человѣкомъ, стоявшимъ на самой низкой ступени человѣческаго общества, почелъ неудобнымъ.

Однако, человѣкъ на низкой ступени, не замѣчая борьбы въ душѣ аристократически настроеннаго хозяина, взявъ въ руку свою рюмку и простодушно потянулся къ ней:

— Ну-съ, Владиміръ Астафьичъ... Дай вамъ Боже, съ праздничкомъ! Удовлетворенія вамъ всѣхъ естественныхъ потребностей!

Было такъ: швейцаръ технической конторы стоялъ у стола по одну сторону, а конторщикъ Бердяга по другую; когда они чокнулись и выпили, Бердяга обра тиль вниманіе на то, что, стоя, имъ неудобно разрѣзывать ветчину и намазывать ее горчицей.

— Можеть, присядете? Э, да чего тамъ, какія церемоніи! Садитесь, Яковъ. Еще одну рюмочку, а?

— Ахъ, да я, въ сущности, не пью. Развѣ только ради праздника? . Ну, съ наступающимъ!

— Ваше здоровье! Служите?

Яковъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на Бердягу.

— Да какъ же! У насъ въ технической конторѣ.

— Знаю, знаю,—покровительственно сказалъ Бердяга.—Въ технической конторѣ братьевъ Шумахеръ и Зайдъ, земледѣльческія орудія и машины, представители Альфреда Барраса...

— Да... — привычной скороговоркой подтвердилъ Яковъ.—Анонимной компаниі Уньюнъ и Джеффри Уат сонна...

— Въ Шеффилдѣ! И давно служите?

— Да вотъ ужъ второй годъ. Сейчасъ же послѣ васъ опредѣлился.

— Кушайте, пожалуйста, Яковъ... какъ по отчеству?

— Семенычъ.

— Вотъ, я вамъ, Яковъ Семенычъ, выберу красненькое съ синей полоской. Матушка здорова?

— Ничего. Нынче только съ утра что-то...

— Можеть быть, винца еще можно?

— Много будетъ, Владиміръ Астафьичъ.

— Ну, ужъ и много. А вотъ сардинки. Давно служите?

— Второй годъ. Прямо-таки скоро послѣ васъ опредѣлился, когда Альфредъ Густав...

— Ага! Это хорошо. А вотъ эта колбаса съ чеснокомъ, а эта безъ. Прошу, господа! Прошу закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Матушка ваша какъ поживаетъ?

— Такъ, вообще, ничего. Да сегодня старуха что-то, отъ обѣдни вертятся...

— Ну, слава Богу. Это пріятно! Надѣюсь, пивца-то, вы выпьете? Ну, что ничего вамъ послужится въ конторѣ братьевъ Шумахеръ и Зайдъ...

— Представители Альфреда Барраса,—машинально продолжилъ швейцаръ.—Да пожаловаться нельзя. Иногда только передъ праздникомъ, когда...

— Ну, слава Богу, дай Богъ! Мамаша дома сидитъ, или въ гостяхъ?

— Дома. Она, Владиміръ Астафьичъ...

— Такъ, такъ... А вотъ это моя гитара... Потомъ я вамъ сыграю.

Ушелъ швейцаръ технической конторы Братьевъ Шумахеръ и Зайдъ отъ конторщика той же фирмы, довольно поздно—въ 11 часовъ.

Бердяга долго жаль руку этому непрезентабельному гостю и просилъ „не забывать”.

А когда гость ушелъ, Бердяга, вернувшись въ комнату и прибирая на столѣ, долженъ былъ оцѣнить деликатность этого краснощекаго, дубоватаго на видъ парня: на скатерти среди крошекъ хлѣба и кулича лежалъ Бердягинъ двугривенный,—отвергнутая дань аристократизма во имя чумазой демократіи...

ФУНКЕЛЬМАНЪ И СЫНЪ.

разсказъ матери.

Я еще съ прошлаго года стала замѣчать, что мой мальчикъ ходитъ блѣдный, задумчивый. А когда еврейскій мальчикъ начинаетъ задумываться—это уже плохо. Что вы думаете, мнѣ обыскъ нуженъ, что-ли или что?

— Мотя,—говорю я ему,—Мотя, мальчикъ мой! Чего тебѣ такъ каламитно?

Такъ онъ подниметъ на меня свои глазки и скажетъ:

— Что значить—каламитно! Ничего мнѣ не каламитно.

— Мотя! Чего ты крутишь? Вѣдь я же вижу...

— Ой,—говорить,—отстань ты от меня, мама! У меня скоро экзамен на аттестат зрѣлости, а потомъ у меня есть запросы.

Обрадовалъ! Когда у еврейскаго мальчика появляются запросы, такъ господинъ окологородный цѣлую ночь не спитъ.

— Мотя! Зачѣмъ тебѣ запросы? Что ты ихъ на ноги надѣнешь, когда башмаковъ нѣтъ, или на хлѣбъ намажешь, вмѣсто масла? Запросы, запросы. Отцу твоему сорокъ шестой годъ—онъ даже этихъ запросовъ и не нюхалъ. И плохо, ты думаешь, вышло? Пойди, поищи другой такой галантерейный магазинъ, какъ у Якова Функельмана! Нужны ему твои запросы! Онъ даже картоночки маленькія по всему магазину развѣсилъ! „Цѣны безъ запроса“.

— Мама, не мѣшай мнѣ! Я читаю.

Онъ читаетъ! Когда онъ читаетъ, такъ уже мать родную слушать не можетъ. Я черезъ тебя можетъ сорокъ двѣ болячки въ жизни имѣла, а ты носъ въ книжку всунул и думаешь, что умный, какъ раввинъ. Гениальный ребенокъ.

Вижу—мой Мотя все крутить и крутить.

— Что ты крутишь?

— Ничего я не кручу. Не мѣшай читать. Что это онъ тамъ такое читаетъ? Ой! Развѣ сердце матери это камень, или что? Я же такъ и знала! „Записки Крапоткина“! Тебѣ очень нужно знать записки Крапоткина, да? Ты будешь больной, если ты ихъ не прочтешь? Брось сейчасъ же!

— Мама, оставь, не трогай. Я же тебя не трогаю. Еще бы онъ родную мать тронулъ, шейгець паршивый!

И такъ мнѣ въ сердце ударило, будто съ камнемъ. Куда вы думаете я сейчасъ же побѣжала? Конечно, до отца.

— Яковъ! Что ты тутъ перекладываешь сорочки? Убѣждать они что ли отъ тебя, или что? Онъ долженъ обязательно сорочки перекладывать...

— А что?

— Ты бы лучше на Мотю посмотриль.

— А что?

— Ему надо читать „Записки Крапоткина“, да?

— А что?

— Яковъ! ты мнѣ не крути. Что ты мнѣ крутишь! Скандала захотѣлъ, обыска у тебя не было, да?

— А что?

Это не челоуѣкъ, а дуракъ какой-то. Еще онъ мнѣ долженъ голову крутить!

— Тебѣ что нужно, чтобы твой сынъ въ тюрьмѣ сидѣлъ? Тебѣ для него другого мѣста нѣтъ? Надѣвайся, пойдѣмъ домой!

Вы думаете, что онъ дѣлалъ, этотъ Мотя, когда мы пришли? Онъ читалъ себѣ „Записки Крапоткина“.

— Мотья,—кричитъ Яковъ.—Брось книгу.

— А вы,—говорить,—ее подымете?

— Брось, или я тебя сію минуту по мордѣ ударю. И какъ вы думаете, что отвѣтилъ этотъ Мотя?

— Попробуй! А я отравлюсь. Это запросы называется!

— А, чтобы ты пропала! Тебѣ для матери книжку жалко. Тебя кто рожалъ—мать или Крапоткинъ?

— А что вы,—говорить Мотя,—думаете? Можетъ я, благодаря ему, второй разъ на свѣтъ родился.

Ой, мое горе! Я заплакала, Яша заплакалъ и Мотя тоже заплакалъ. Прямо маскарадъ!

Вышли мы съ Яшей въ спальню, смотримъ другъ на друга.

— Хорошій мальчикъ, а? Ему еще въ носъ нужно ковырять, а онъ уже Крапоткина читаетъ.

— Ну, что же?

— Яша! Ты знаешь, что? Нашего мальчика нужно спасти. Это же невозможно. Такъ Яша мнѣ говоритъ:

— Что я его спасу? Какъ я его спасу? По мордѣ ему дамъ? Такъ онъ отравится.

— Тебѣ сейчасъ—морда. Интеллигентный челоуѣкъ, а разсуждаетъ какъ разбойникъ. Для своего ребенка головой пошевелить трудно. Думай!

Яковъ сѣлъ, сталъ думать. Я сѣла, стала думать. Умъ хорошо, а два еще лучше.

Думаемъ, думаемъ, хоть святыхъ вонъ выноси.

— Яша!

— А что?

— Знаешь, что? Нашего ребенка нужно отвлечь.

— Ой, какая ты умная—отвлечь! Чѣмъ я его отвлеку? По мордѣ ему дамъ?

— Ты же другого не можешь! Для тебя Моткина морда это идеаль!.. Онъ ребенокъ живой — его чѣмъ-нибудь другимъ заинтересовать нужно... Нехай онъ влюбится, или что?

— Какая ты, подумаешь, гениальная женщина! А вь кого?

— Ну, пусть онь побываеть вь свѣтѣ! Поведи его вь кинематографь или еще куда! Что, ты не можешь повести его вь ресторань?!

— Нашла учителя! Что, я бывалъ когда-нибудь вь ресторанѣ? Даже не знаю, какъ тамъ отворять дверей.

— Что ты крутишь! Что ты минѣ крутишь? Тебѣ это чужой ребенокъ? Это Крапоткинское дитѣ, а не твое? Такой большой дуракъ, и не можетъ мальчика развлекать.

Такъ пошелъ онь къ Мотѣ, сталъ крутить:

— Ну, Мотечка, не сердись на насъ. Пойди съ отцомъ немного пройдишь. Я вѣдь же тебя люблю— ты такой блѣдненькій.

Ну, Мотыка туда-сюда—сталъ крутить: то дайте ему главу дочитать, то у него ноги болятъ.

— Хорошій ребенокъ! Книжку читать—ноги не болятъ, а съ отцомъ пройтись—откуда ноги взялись. Надѣвай, картузикъ, Мотенька, ну же!

Похныкаль мой Мотечка, покапризначаль — пошелъ съ папой.

Они только за двери—я сейчасъ же къ нему вь ящикъ... Боже ты мой! И какъ это у насъ до сихъ поръ обыска не было—не понимаю! За что только, извините, полиция деньги получаетъ?.. И Крапоткины у него, и Бебели, и Мебели, и Малинины, и Буренины—прямо пороховой складъ. Эрфуртскихъ программъ— такъ цѣлыхъ три штуки! Какъ у ребенка голова не лопнула отъ всего этого?!

Ой, какъ оно у меня вь печкѣ горѣло, если бы вы знали! Быка можно было зажарить.

Вь одиннадцать часовъ вечера вернулись Яша съ Мотей, а на другое утро такой визгъ по дому пошелъ, какъ будто его рѣзали.

— Гдѣ мои книги?! Кто имѣлъ право брать чужую собственность! Это насиліе! Я протестуюсь!!

Функельманы, это вѣрно, любятъ молчать, но когда они уже начинаютъ кричать— такъ скандалъ выходить на всю улицу.

— Что ты кричишь, какъ дуракъ,—говорить Яковъ.— Отъ этого книжка не появится обратно. Пойдемъ лучше контру сыграемъ.

— Не желаю я вашу контру, отдайте мнѣ моего Энгельса и Каутскаго!

— Мотя, ты совсѣмъ сумасшедний! Я же тебѣ дамъ фору—будемъ играть на три рубля. Если выиграешь, покупай себѣ хоть десять новыхъ книгъ!

— Потому только,—говорить Мотя,—и пойду съ тобой, чтобы свои книги вернуть.

Ушли они. Пришли вечеромъ вь половинѣ двѣнадцатаго.

— Ну, что, Мотя—спрашиваю.—Какъ твои дѣла?

— Хорошія дѣла, когда папаша играетъ, какъ маркеръ. Развѣ можно при такой форѣ кончать вь послѣднемъ шарѣ? Конечно же, онь выиграетъ. Я не успѣю подойти къ билліарду, какъ у него партія сдѣлана.

Ну, утромъ встали они, Мотя и говорить:

— Папаша, хочешь контру?

— А почему нѣтъ?

Ушли. Слава Богу! Богъ всегда слушаетъ еврейскія молитвы. Уже Мотя о книжкахъ и не вспоминаетъ. Раньше у него только и слышишь:

— Классовыя перегородки, добавочная стоимость, кооперативныя начала...

А теперь такія хорошія русскія слова:

— Красный по борту вь лузу, форя, очко, алагерь.

Прямо сердце радовалось.

Ну, пришли они вь двѣнадцать часовъ ночи—оба веселые, легли спать.

Пиджаки вь мѣлу, взяла я почистить—что-то торчитъ изъ кармана. Э, программа кинематографа: Хе-хе! Послѣ эрфутской программы, это, знаете, недурно. Богъ-таки поворачиваетъ ухо къ еврейскимъ молитвамъ!

Ну, такъ у нихъ такъ и пошло: сегодня билліардъ, завтра билліардъ, и послѣ завтра тоже билліардъ.

— Ну,—говорю я какъ-то,—слава Богу, Яша... Отвлекъ ты мальчика. Уже пусть онь немного позанимается. И ты свой магазинъ забросилъ.

— Рано,—говорить Яша.—Еще онь еще вчера хотѣлъ открытку съ видомъ на Маркса купить...

Ну, рано, такъ рано.

Уже они кинематографъ забросили,—уже программки цирка у нихъ вь карманѣ.

Еще проходить недѣля—кажется, довольно мальчикъ отвлекся.

— Мотя, что же; съ экзаменомъ? Яша, что же съ магазиномъ?

— Еще не совсѣмъ хорошо,—говорить Яша,—пождемъ недѣльку. Ты думаешь запросы такъ легко изъ челоуѣка выходятъ?!

Недѣльку, такъ недѣльку. Уже у нихъ по карманамъ не цирковая программа, а отъ кафешантана—